

Раздел V
**ЛИТЕРАТУРА УРАЛА И ПРОБЛЕМЫ
ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕГИОНАЛИСТИКИ**

Н. А. Хуббитдинова

Уфа

**Проблемы фольклорно-литературных взаимосвязей
применительно к национальной литературе**

В современной науке существует метод структурного, системно-функционального, семантического изучения словесного искусства. Возникнув в 20-е гг. XX в. на основе лингвистической школы (Ф. де Соссюр, И. А. Бодуэн де Куртенэ, Р. Якобсон, Ш. Балли и др.), историко-антропологии (К. Леви-Стросс), формальной школы филологии (В. Я. Пропп, Б. В. Шкловский, Ю. Н. Тынянов, Б. М. Эйхенбаум и др.), структурализм получил философское обоснование и наибольшее распространение в 1960-е гг. во Франции (М. П. Фуко, Р. Барт), в Италии (У. Эко), в США (М. Элиаде). В России крупнейшими представителями структурализма в области культуры в целом были М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман, Е. М. Мелетинский, В. Я. Пропп, Ю. Н. Тынянов, В. Н. Топоров и др. [см. об этом, напр.: 3].

Методологической базой для структуралистов является структурная лингвистика. Успех движения структуралистов, охватившего и другие области культуры (культурная антропология, фольклористика, литературоведение), способствовал развитию семиотики, то есть анализа различных явлений в терминах знаковых систем.

Для нас особый интерес представляет структурный анализ в области фольклористики и литературоведения, а именно в контексте проблемы взаимосвязи двух объектов изучения — фольклора и литературы. В данном случае наиболее актуальными для нас являются исследования М. М. Бахтина [1], посвященные структурно-семиотическим вопросам в области литературы, а также сформулированная на основе бахтинских учений концепция интертекстуальности Юлии Кристевой, являющейся одним из видных представителей и основоположников бахтиноведения в Европе. Именно благодаря ее работам «Бахтин, слово, диалог

и роман» (1967) и «Разрушение поэтики» (1970), созданных под впечатлением от трудов ученого, западное гуманитарное сообщество узнало о русском мыслителе.

С опорой на методологическую базу, представленную трудами М. М. Бахтина, К. Леви-Стросса, Ю. Кристевой, Ю. М. Лотмана, Р. Лахмана, И. П. Ильина, Р. Барта и др., в нашей работе предпринимается попытка совместить традиционные методы исследования с практикой интертекстуального анализа применительно к произведениям национальной (в нашем случае — башкирской) словесности, в которых особенно ярко эксплицированы межтекстовые связи.

Проблема межтекстовых связей, или, иными словами, интертекстуальности, в фольклористике и литературоведении рассматривается на материале трансформации текстуальных семантических единиц на протяжении всей истории литературы. Фольклорные и литературные сюжеты и мотивы при этом исследуются в динамике, с учетом процессов их формальных и семантических трансформаций: заимствования, переосмысления и интерпретаций, актуализации/деактуализации и т. д. В рамках литературоведческого анализа интертекстуальный подход помогает обнаружить те или иные так называемые «чужие слова», «текстовые схождения» и выявить их функциональное значение в художественно-эстетическом плане.

Несмотря на то, что термины «интертекст», «интертекстуальность», а также теория интертекстуальности в целом появились в филологической науке относительно недавно, определенные их «предвестники» в виде акцентов на межтекстовых связях, «диалогизме» текстов обнаруживаются в работах русских ученых еще 1920-х гг. Проблемы, связанные с фактами «заимствований» — «реминисценциями», межтекстовыми связями-«схождениями», рассматривались, например, в известных трудах Б. В. Томашевского, посвященных творчеству А. С. Пушкина. Влияние творческого наследия одних писателей на творческий процесс других (к примеру, писателей старшего поколения на младшее), как он считал, не сводится только «к изысканию в текстах заимствований и реминисценций». По мнению исследователя, ученый должен различать разного рода текстовые схождения. Например, если наблюдается «сознательная цитация — намек, ссылка на старшего писателя», то «в каком освещении дается эта цитация»; следует выяснить, имеет ли место «бессознательное воспроизведение литературного шаблона», «заполняющее пустое место в фоне литературного произведения», наконец, наблюдается ли «случайное совпадение пришедших рядом слов, возникших в своем сочетании у молодого писателя совершенно независимо и под влиянием иных, самостоятельных художественных импульсов, чем в произведениях авторов предшествующего поколения» и т. д. Без учета всех этих особенностей обнаруженные «параллели» будут носить характер мало значащего «сырого материала», а «выискивание этих параллелей» вне уяснения их характера, сути, функции будет представлять собой что-то вроде «литературного коллекционирования» [5, с. 81–82].

Относительно национальной литературы можно говорить о всех выше-названных типах реминисценций и текстовых схождениях: она предоставляет

разнообразный материал для исследования как сознательных, так и бессознательных или неосознанных, «случайных» заимствований, цитаций, аллюзий на те или иные фольклорные сюжеты. Акт бессознательного в творчестве молодого писателя, заключающийся, в понимании Б. В. Томашевского, в «воспроизведении литературного шаблона» для «заполнения пустого места», в литературном произведении, возможно, характерен не только для межлитературных, но и для фольклорно-литературных взаимосвязей.

Виды, типы, формы интертекстуальности были выделены достаточно давно. Под ними в науке понимались заимствования, переработка тем и сюжетов, явная и скрытая цитация, перевод, плагиат, аллюзия, подражания, пародия, экранизация, использование эпитафов и т. д. Что же касается заимствований художественной литературой фольклорных мотивов и сюжетов, то исследовательница О. Ю. Трыкова предлагает различать следующие типы: сюжетные заимствования (пересказ); структурные заимствования; функциональные заимствования; мотивные заимствования; образные заимствования; цитирование фольклорных произведений; переделка фольклорных текстов, их осовременивание и пародирование (или стилизация); использование тропов, художественных приемов и средств фольклора [см.: 6, с. 3]. Для полноты описания фольклорно-литературных интертекстуальных связей следует добавить еще такие их разновидности, как скрытая и явная цитация фольклорных сюжетов, мотивов, образов; перевод, использование эпитафов (в частности, в контексте башкирско-русских фольклорно-литературных взаимосвязей); аллюзии, реминисценции в литературе на фольклорные тексты и т. д.

Башкирская литература, будучи частью литературы мировой, жила, развивалась и взаимодействовала с другими национальными литературами, «обмениваясь» с ними различными сюжетами и мотивами. История башкирской — так же, как и история русской и др. литератур — служит примером взаимоотношений фольклора и художественной литературы, в которых устное народное творчество выступает первоисточником. К фольклорным текстам отсылают писатели многих поколений, для литературы фольклорные сюжеты и мотивы становятся объектом художественного переосмысления. Выделяя в литературном произведении фольклорные мотивы и образы, постараемся установить их идейно-художественные функции.

Обратимся к знаменитому «Кисса-и Йусуф»¹ («Сказание о Йусуфе», 1212) тюркского поэта Кул Гали, творившего в древнем городе Булгар (был расположен в Урало-Поволжском регионе): мотив, связанный с вещим сном, выступает здесь реминисценцией фольклорного мотива сновидения. В литературном тексте на него возложена важная идейно-эстетическая функция, мотив вещего сна выступает причиной развития сюжета в том или ином направлении, играет ключевую роль в судьбе героя [см.: 2].

¹ Кисса — жанр восточного фольклора и литературы; поэтическое или прозаическое произведение историко-героического, любовно-романтического, религиозного дидактического содержания.

Созданный еще в глубокой древности сюжет о Йусуфе Прекрасном и Зулейхе был востребован и актуален на протяжении многих веков вплоть до века двадцатого. Он был включен в Ветхий Завет, священное писание Коран (12-я сура); вдохновлял на творчество многих мастеров слова Востока и Запада: Фирдоуси, Дурбека, Ансари, Кул Гали, Ямиде, Шота Руставели, Хамза, Томаса Манна, Яна Райниста, Назыма Хикмета, которые, по-своему его интерпретируя, создавали новые произведения. С точки зрения интертекстуальности, фольклорный памятник, передаваясь из века в век из уст в уста, переживал диалог со своим предшествующим текстом — смыслы в этом случае не столько повторялись, сколько заново рождались; произведение наполнялось и качественно новыми понятиями, и новыми значениями, в художественном же смысле — новыми деталями и мотивами.

Значимую роль в этом процессе играла этническая принадлежность писателя. Творчески осваивая известный сюжет, он привлекал свой специфический национальный «вятельный» материал, с одной стороны — художественно обогащающий создаваемое произведение, с другой — отвечающий читательскому ожиданию той аудитории, к которой произведение было обращено, выражающий общественные и политические взгляды определенного народа или правящего круга. В нашем случае для сказания о Йусуфе Прекрасном Кул Гали этим «вятельным» материалом служили тюркские фольклорные сюжеты, отголоски которых наблюдаются и в башкирском народном творчестве. Так, сюжеты многих башкирских сказок, эпических памятников построены на мотиве *вещего сна* («Во сне влюбился — женился наяву»), *любовного треугольника*, часто встречаются образы *справедливого правителя*, *ущемленного родственника* (например, падчерицы) и т. д.

В процессе работы над «Кисса-и Йусуф» Кул Гали находился в постоянном диалоге и с литературой своего времени, и с литературными текстами прошлых столетий, и с фольклорным наследием. Это подтверждается и наблюдениями фольклористов, согласно которым народы средневекового Урало-Поволжья, башкиры в том числе, знали эпические произведения с традиционными устойчивыми мотивами и образами: дастаны² «Йусуф — Зулейха», «Бузьегет», «Тахир — Зухра», — не говоря уже о многочисленных сказках на эти темы [см.: 4, с. 384–385]. Это способствовало зарождению интертекстуальных связей фольклора и литературы. В рассматриваемом киссе *мотив сновидения* является самым ярко и цельно выраженным художественным элементом. В идейно-художественном плане на него возлагается важная функция: он обладает сюжетообразующей природой, а также служит проведению религиозной идеи о предопределенности судьбы человека. Главный герой Йусуф видит вещий сон, предупреждающий его возвышение над другими смертными и обретение сана святого. Коварство и зависть

² Дастан — эпическое произведение любовно-героического характера, имеет широкое распространение в фольклоре и литературе Ближнего и Среднего Востока, Азии (также на территории Урало-Поволжья), чаще всего литературная обработка сказочного сюжета. По форме — поэтическое или прозаическое, а в тюркоязычных литературах (в том числе в башкирской) — проза, перемежающаяся со стихами.

братьев, преодоление различных преград и лишений, внутренняя борьба с соблазнами, мучительное стремление сохранить свою преданность Богу — все эти испытания выпадают на участь Йусуфа как следствие божьего пророчества. В художественном отношении *мотив сновидения*, реализуемый в первом увиденном героем вещем сне, влечет за собой цепь других сюжетообразующих мотивов, служащих художественно-эстетическому обогащению и трансформации основного сюжета.

Итак, зародившаяся в отечественной филологической науке в первой четверти XX в. и усовершенствованная в дальнейшем западноевропейскими учеными теория интертекстуальности применительно к национальной литературе способствует усовершенствованию методов изучения и анализа художественных произведений (в том числе и фольклорных), расширению и обогащению научно-понятийного аппарата. Исследование проблемы взаимосвязи фольклора и литературы с точки зрения интертекстуального подхода во многом позволяет переосмыслить литературное произведение, методы его сравнительно-сопоставительного анализа; помогает представить особенности литературных традиций авторов разных эпох, раскрыть их идейно-эстетические, художественные позиции и взгляды.

Применение интертекстуального метода в изучении тюркской и башкирской литератур дает возможность выявить степень соотнесенности избранных произведений с восточной, тюркско-башкирской литературной и фольклорной традициями, расширить понимание семантики и поэтики литературы, определить новые пути и способы интерпретаций, рассмотреть литературное наследие башкирского народа как художественную систему, включенную в единый мировой контекст. Перечисленные исследовательские проблемы в особенности актуальны для башкирской литературы дореволюционного периода, когда фольклорные традиции оказывали значительное влияние на творчество писателей: авторы, будучи носителями этнических мифопоэтических традиций, бессознательно использовали фольклорные элементы в своих произведениях. Интертекстуальная связь фольклора и литературы, таким образом, оказывается наиболее ощутимой и «плотной» в том случае, когда в авторском мировосприятии преобладает фольклорное мышление, специфически фольклорное образное видение мира.

Литература

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М., 1986.
2. Гали Кул. Сказание о Йусуфе / пер. с тюркск. на рус. яз. С. Иванова. Казань, 1985.
3. Медкова Е. С. Возможности педагогической интерпретации методологии семиотики и структуриализма в преподавании Мировой художественной культуры [Электронный ресурс]. URL: http://www.art-education.ru/AE-magazine/archive/nomer-1-2009/medkova-mhk_05_03_2009.htm (дата обращения: 24.02.2015).
4. Сулейманов А. М. Наши Киссы и дастаны // Башкирское народное творчество : Эпос : Киссы и дастаны. [Т. 6]. Уфа, 2002. С. 380–443.
5. Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. Л., 1960.
6. Трыкова О. Ю. Отечественная проза последней трети XX века: жанровое взаимодействие с фольклором : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1999.